

ВПЕРВЫЕ
НА
РУССКОМ

ВИРДЖИНИЯ ВУЛФ

Virginia Woolf

МОЙ ЛОНДОН

ПОРТРЕТ ЛОНДОНА В ДНЕВНИКАХ И ЭССЕ
С КОММЕНТАРИЯМИ

Вирджиния Вулф

**Мой Лондон. Портрет Лондона в
дневниках и эссе с комментариями**

«Азбука»

УДК 821.111-94:908(410-25)
ББК 84(4Вел)-44+26.89(4-2Лондон)

Вулф В.

Мой Лондон. Портрет Лондона в дневниках и эссе с
комментариями / В. Вулф — «Азбука»,

ISBN 978-5-389-33364-2

Вирджиния Вулф очень любила Лондон, любила гулять по его улицам и ездить в предместья. Лондон – полноправный герой многих ее произведений. В книге «Мой Лондон» фрагменты эссе, рассказов и романов Вирджинии Вулф с описаниями Лондона становятся его портретом, но они же составляют и автобиографию писательницы. Дополняют текст рассказы о самых интересных местах Лондона и самых любопытных его жителях.

УДК 821.111-94:908(410-25)
ББК 84(4Вел)-44+26.89(4-2Лондон)

ISBN 978-5-389-33364-2

© Вулф В.
© Азбука

Содержание

Введение	7
I. Дом 22 по Гайд-парк-гейт	8
Из автобиографического эссе «По адресу Гайд-парк-гейт, 22»	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вирджиния Вулф

Мой Лондон

Лондон – лабиринт наполовину из камня, наполовину из плоти. Его нельзя представить себе во всей полноте, его можно лишь пережить на опыте как дикую местность, состоящую из множества переулков, проездов, дворов и магистралей, где способен заблудиться даже самый искушенный лондонец. Еще одно любопытное свойство этого лабиринта состоит в том, что он непрерывно меняется и растет вишьрь.
Питер Акройд, «Биография Лондона»

Составление и комментарии *Мильды Соколовой*

Перевод с английского *Александра Ливерганта, Александра Русинова*

© Ливергант А. Я., перевод на русский язык, 2025

© Русинов А. Г., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

КоЛибри®

Введение

Эта книга посвящена Лондону – и в неменьшей мере Вирджинии Вулф. Писательница родилась на сломе эпох, когда мир охватила промышленная революция, начали рушиться старые, казавшиеся вечными империи, стало меняться место женщины в социуме, появились первые движения за права женщин, да и людей в целом. Вирджиния Вулф жила в эпоху перемен в буквальном смысле – и в ее творчестве они отразились в максимальной степени, можно даже сказать, что ее творчество стало плодом перемен. А Лондон был ее родным городом, любимым, исхоженным вдоль и поперек, – поэтому ее наблюдения особенно ценны для поклонников ее творчества. В этой книге использованы ранее не переводившиеся и не публиковавшиеся материалы дневников Вирджинии Вулф, которые она вела с 1903 по 1941 год с небольшими перерывами, а также неопубликованные на русском языке эссе о Лондоне, выходившие в Великобритании отдельной книгой. Редакция благодарит Александра Ливерганта, Александра Русинова, Кирилла Смирнова за предоставленные для публикации материалы и переводы текстов Вирджинии Вулф.

І. Дом 22 по Гайд-парк-гейт

Хэмптон-Корт

Лондон давно обрел в нашем сознании ореол города не самого обычного – он существует сразу в нескольких временных пластах, в нем обитают многочисленные литературные герои, от героев Уилки Коллинза, Чарльза Диккенса и Артура Конан Дойла до гомункулозов из современных романов в стиле стимпанк – есть в этом городе что-то необыкновенное, что привлекает в лабиринты его улиц как хрупких красавиц, так и всевозможных чудовищ. Кто из нас не знает основные приметы Лондона – снующих в густом тумане между двухэтажными автобусами и красными телефонными будками детективов, мальчишек-посыльных и Джека-потрошителя? А вот в творчестве Вирджинии Вулф этот город занимал совершенно особое место – был живым существом, со своим характером и привычками. Еще в детстве он стал ее лучшим другом и почти близким родственником: она радовалась и огорчалась из-за него, как из-за человека, беседовала с ним, очень скучала по нему, когда уезжала.

«Здесь трубочистов юных крики / Пугают сумрачный собор / И кровь солдата-горемыки / Течет на королевский двор»¹.

«В Лондоне вас могут надуть, обобрать и убить. Впрочем, на такие дела охотники повсюду найдутся»².

«Меня мучила жажда новых впечатлений... И вот раз вечером, часов в семь, я пошел бродить по Лондону в поисках этого нового. Я чувствовал, что в нашем сером огромном городе с мириадами жителей, мерзкими грешниками и пленительными пороками – так вы описывали мне его – припасено кое-что и для меня»³.

«Я жажду попасть на переполненные народом улицы вашего величественного Лондона, проникнуть в самый круговорот суеты

¹ Уильям Блэйк, Песни опыта. Лондон, перевод С. Маршака.

² Чарльз Диккенс, Большие надежды, перевод М. Лорие.

³ Оскар Уайльд, Портрет Дориана Грея, перевод К. Бальмонта.

человечества, участвовать в этой жизни и ее переменах, ее смерти, словом, во всем том, что делает эту страну тем, что она есть»⁴.

«Октябрь начинается с работы, а удовольствие приподнимает занавес над тем актом нашей пьесы, действие которого разыграется в Лондоне. Действующие лица могут меняться, а их роли отличаться, но неизменность сцены придает определенную целостность целому и на самом деле в немалой степени определяет нашу жизнь»⁵.

Вирджиния Вулф, в девичестве Стивен, родилась 25 января 1882 года в Лондоне – и, как часто это бывает, родной город во многом определил ее судьбу. Стремительно менявшаяся реальность на протяжении всей жизни Вирджинии врывается в ее семейный мирок – и ей удавалось погасить этот накал, преобразовав в увлекательный, насыщенный эмоциями текст.

А Лондон в конце XIX века неудержимо менялся под влиянием промышленной революции. Демонический, загадочный и потусторонне-опасный город Чарльза Диккенса и Оскара Уайльда избавлялся от тьмы, помойных запахов, мусорных свалок, обрстал транспортной инфраструктурой, бурно застраивался – он вступал в период Столицы Империи, превращаясь в того самого прародителя стимпанка, которого так любит искусственный интеллект.

Лондонский мост между 1870 и 1890 годами

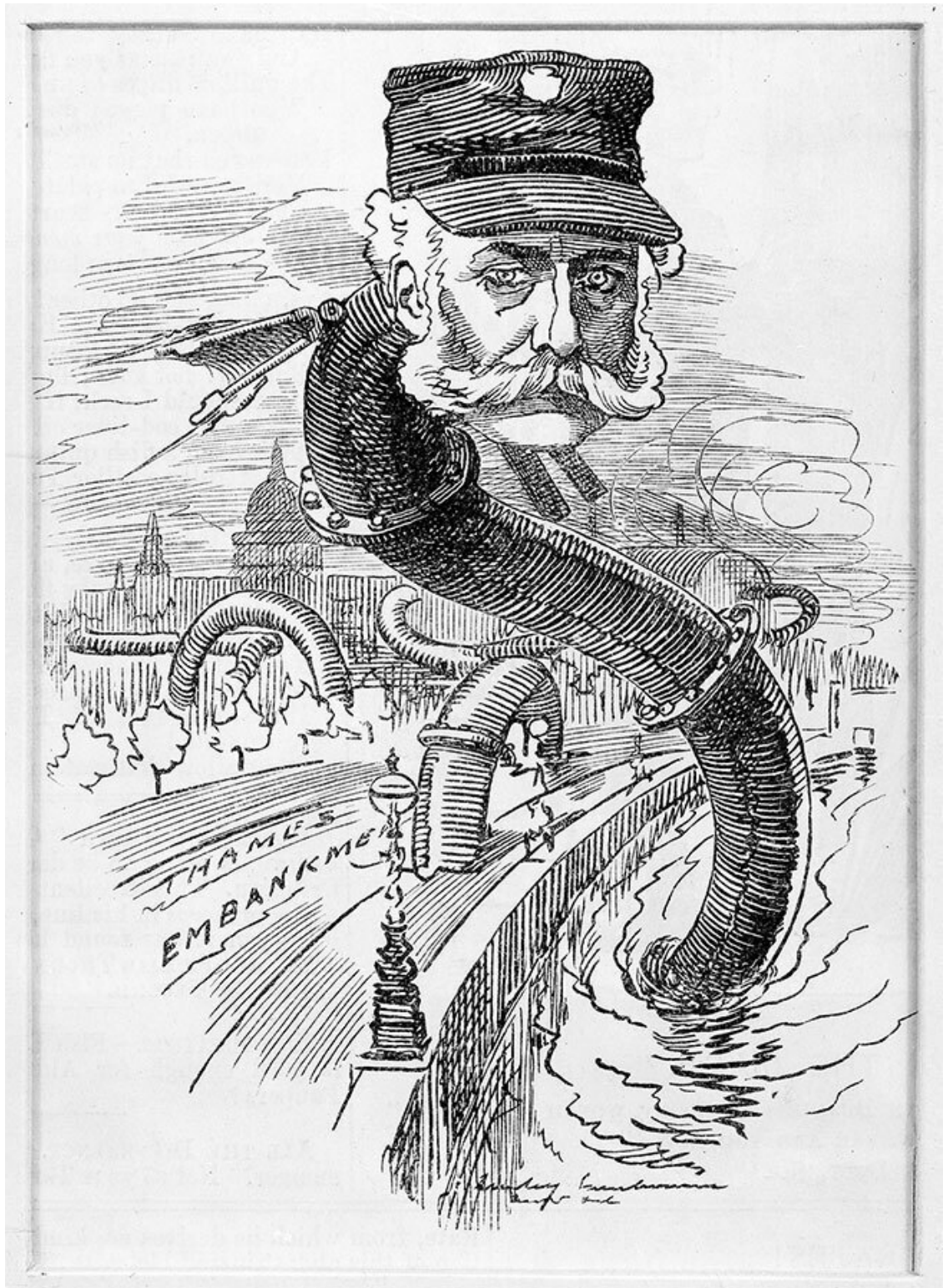
В конце XIX века Фридрих Энгельс, приехавший в Лондон еще в 1840-х годах, с целью изучения ужасов жизни пролетариата, уже не смог бы заявить: «Повсюду кучи мусора и золы, а

⁴ Брэм Стокер, Дракула, перевод Н. Сандровой.

⁵ Вирджиния Вулф. Запись в Дневнике. 1903 год. Здесь и далее перевод текстов В. Вулф Александра Русинова.

выливаемые у дверей помой застаиваются в зловонных лужах». Работы по строительству канализации по гениальному плану инженера **Джозефа Уильяма Базэлджета**, начатые после вспышек холеры и тифа жарким летом 1858 года (так называемая «великая вонь»), к концу века дали заметные результаты.

Сэр Джозеф Уильям Базэлджет (1819–1891) – британский инженер, прославился созданием канализационной системы Лондона, одной из самых красивых и эффективных в мире – лондонцы до сих пор благополучно спускают воду в туалете благодаря его изобретению! Он остановил страшную эпидемию 1858 года, разработав сложную систему коллекторов и вдвое увеличив диаметр труб. Джозеф Базэлджет считался воплощением нового человека времен промышленной революции – кроме инженерии, он всерьез увлекался искусством. Помимо канализации, он построил несколько мостов и фантастически красивую Кросснесскую насосную станцию в виде средневекового собора в боро Бексли (сегодня она имеет статус памятника архитектуры) и получил в журнале *Punch* портрет в виде канализационного демона.

Карикатура на сэра Джозефа Базэлджета из журнала Punch

К концу XIX века вокруг Лондона заметно расширилась железнодорожная сеть, и темпы роста городской инфраструктуры стали беспрецедентными. Еще в 1851 году население города составляло чуть более двух миллионов человек, но к концу столетия превысило шесть с половиной. К 1900 году Лондон простирался примерно на 10 миль с севера на юг и на такое же расстояние с востока на запад. Многие из его пригородных районов сами по себе были небольшими городками, поэтому к середине 1880-х годов на дорогах Лондона курсировало более

12 тысяч омнибусов, перевозивших около 40 миллионов пассажиров в год. Промышленность требовала рабочих, и это стало причиной революции в транспорте: лондонец теперь работал на расстоянии, значительно превышающем пешую доступность от дома.

В 1890 году была открыта первая линия электрического метрополитена от Кинг-Уильям-стрит, недалеко от Банка Англии, до района Стоквелл. К 1903 году, когда 19-летняя Вирджиния начала путешествовать по Лондону самостоятельно, пыхтящие автобусы уже заменили омнибусы, влекомые испражнявшимися, что вполне естественно, лошадьми (еще в 1894 году газета Times поднимала панику – якобы через 50 лет улицы Лондона угрожают быть погребенными под трехметровым слоем навоза!). Буквально на глазах юной Вирджинии с улиц исчезли пресловутые газовые фонари, создававшие своим светом потустороннюю атмосферу в синесиреновом тумане. Вместо них засиял куда как более яркий **электрический свет**.

В 1879 году в Лондоне состоялся суд над электрической лампочкой!

К середине XIX века большинство улиц освещались с помощью газовых фонарей, поэтому газовые компании были отнюдь не в восторге от нового изобретения. Парламентская комиссия решила провести разбирательство в форме судебного заседания. Свидетелями от газовщиков выступили: благородная дама, утверждавшая, что электричество делает ее морщинистой и бледной, и торговец рыбой, уверенный, что электрическое освещение мертвит улов и делает рыбу противной на вид. Приглашенный судом уважаемый доктор доказывал, что яркий свет режет глаза. Но прогресс победил!

Проснулся к концу столетия и пролетариат, сильно выросший силой и числом за годы, прошедшие со времен исследования Энгельса: формировались требования политических и социальных реформ, вспыхивали забастовки, в которых участвовали и женщины, – например, в 1888 году работницы спичечной фабрики вышли протестовать. Протесты были вызваны тяжелейшими и даже опасными условиями труда, а также 14-часовым рабочим днем, низкой оплатой, чрезмерными штрафами. Вдобавок трудились девушки, вдыхая ядовитейший белый фосфор. В защиту работниц фабрики выступила писательница, будущая глава Теософского общества Анни Безант, которая опубликовала в газете статью «Белое рабство в Лондоне». В 1889 году бастовать начали неквалифицированные докеры, отстаивая право на улучшение условий труда, в 1893 году была создана Независимая рабочая партия, представлявшая интересы трудящихся, с 1911 года рабочим стали выплачивать пособия по болезни, инвалидности и безработице, а посещение школы их детьми стало обязательным.

Менялся досуг, становясь менее элитарным. Пабы постепенно превращались в мюзик-холлы с танцами – а где танцы, там нужны женщины, постепенно занимающие все более важное место в общественной жизни и в работе. Стало больше театров и музеев; рост грамотности расширил рынок сбыта газет и книг, женщины пришли в издательства – среди них и журналист Вирджиния Стивен. А как стремительно изменилась мода в последнее десятилетие викторианской эпохи: платья упростились, линии сгладились под влиянием стиля модерн, символизировавшего отказ от сложившихся устоев и переход к новому веку. Платье свободно ниспадало вдоль бедер, расширяясь к низу и образуя форму колокольчика.

Мода 1920-х

Перемены требовали сердца жителей огромной столицы – в домах булькали ватерклозеты, телеграф и телефон превратились из чудес в неотъемлемые атрибуты городской жизни, офис полиции на Скотленд-Ярд стал именем нарицательным, поменялись все способы жизни, общения, передвижения, по улицам помчались машины. А ведь еще в 1842 году королева Виктория, проехав от Виндзорского замка до Лондона на поезде со скоростью 44 мили в час, попросила передать железнодорожникам, что поезд слишком уж несся. Все эти поразительные, волшебные и роковые перемены определили появление новой плеяды писателей-модернистов, выразителей новой эпохи в истории человечества, ее достижений и ужасов ее беспрецедентных конфликтов. Одним из ярчайших представителей модернизма стала Вирджиния Вулф – новая женщина в новом мире.

Родители Вирджинии, Лесли Стивен и Джулия Стивен (Дакуорт) жили на улице Гайд-парк-гейт, в доме номер 22, и именно здесь Вирджиния провела свои отрочество и юность и здесь училась всему, чему полагалось учиться викторианской девушке из хорошей семьи. Сама Вирджиния называла свое семейное времяпрепровождение «школой викторианских гостиных и чайных церемоний».

Из автобиографического эссе «По адресу Гайд-парк-гейт, 22»

<...> Все дома на Гайд-парк-гейт принадлежали отдельным семьям; одни были высокими, как наш, а другие, например дом Редгрейвов, низкими и длинными, почти деревенскими; у одних были сады, другие стояли прямо у тротуара. Постепенно дома стали стереотипными, с колоннами и помпезными фасадами, выходящими на главную дорогу. Как это ни удивительно звучит сейчас, я помню, что у одного из таких домов была карета, запряженная парой лошадей, с кучером и лакеем в напудренных париках, желтых плюшевых бриджах до колен и шелковых чулках. Потому что «в город», как говорил отец, можно было добраться только на красном автобусе или, если позволяли средства, на кэбе и в пролетке. Метро – пропахший серой, затянутый клубами пара туннель с поездами, которые, я полагаю, ходили довольно редко, – находилось далековато, на Кенсингтон-Хай-стрит или Глостер-роуд. Отец и мать всегда ездили на красном автобусе, так как дневные поездки в кэбе были для них непозволительной роскошью. <...>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.